

31. Федорова Т. С. Доносы и жалобы на В. Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции // Русское открытие Америки : Сборник статей, посвященный 70-летию акад. Н. Н. Болховитинова. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. 496 с.

32. Чуковский Н. К. Беринг: [повесть] СПб. : Сударыня, 1996. 108 с.

33. Шонотов К. А. Великий русский мореплаватель Алексей Чириков. СПб. : Изд-во ГеоГраф, 2005. 160 с.

34. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850 : An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America; Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions (1914), Golder, A. F., The Arthur H. Clarke Co., Cleveland, 1914. First Edition. HC, red cloth with gilt tilt on spine. 368 p. Illus. & maps (not fold-out).

35. Under Vitus Bering's Command: New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions (Beringiana, 1), edited by Natasha Okhotina Lind and Peter Ulf Møller. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 304 p.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

(К публикации материал подготовили Е. М. Верещага, И. В. Витер)

Довольно часто мы знаем историю только через учебники, в общих чертах, не вникая в детали повседневной жизни, которые и создают яркие страницы истории России.

В 2012 г. в одном из домов на ул. Океанской нашего самого восточного города – Петропавловска-Камчатского была обнаружены две рукописные тетради. Работники некоего камчатского охранного предприятия осматривали уже расселенный дом, и одного из них, Вадима Пугача, заинтересовали лежащие среди мусора в углу комнаты две тетради. И, как рассказывал позже Вадим, открыв их, начав читать, он не остановился, пока не прочитал все.

Тетради эти вместе с альбомом фотографий принесли в библиотеку. И мы решили частично опубликовать записи из них.

Все найденное – это живая история, история России, взятая не из официальных документов, а переданная человеком того времени – история с бытовыми подробностями и яркими штрихами жизни первой половины XX в. И спасибо тем людям, которые не проходят мимо таких свидетельств истории.

Как автор воспоминаний, Федор Алексеевич Макаров, связан с Камчаткой, мы не знаем. Может быть, он приехал к детям, может, его дети эти тетради забрали из отцовского дома. Нам не известно, как сложилась жизнь этого наблюдательного, интересного и талантливого человека после 1931 г., – года поступления его в Академию им. М. В. Фрунзе. Свою военную карьеру он закончил в звании генерал-майора. Читайте – и вы немного больше будете знать о жизни в России в XX в.

Из статьи журналистки Натальи Паниной: «Возможно, внука генерала уже нет в живых. На фото он уже пожилой... Квартира, в которой он жил, очень запущена. Думаю, ее покинули многим раньше расселения. Ее будто взяли и в одночасье бросили. Мы с коллегами обратили внимание на оставленную в комнате пачку чая – срок ее годности закончился еще в 2008... Хотя, это только предположение, может, хозяин просто переехал... – делится наблюдениями Вадим Пугач.

Юрий Макаров жил в небольшой комнатке по адресу ул. Океанская, д. 10, кв. 29. Его жильё, действительно, запущено и разрушено. Развалился даже мостик, ведущий в квартиру. Соседи Юрия Макарова, которых в микрорайоне осталось немного, твердят в один голос: «Лицо у мужчины знакомое, но лично его не знаем»».

Тетрадь первая

«Закончил последние чтения 17 мая 1976 года. Кое-что можно добавить, но кое-что и убавить, так как много повторений.

Родился я 8 февраля 1901 года в деревне Дубовик Куркинского прихода Бурцевской волости Ржевского уезда Тверской губернии (Калининской области), в семье, видимо, крепкого середняка крестьянина Макара Ивановича Царькова (но до той поры, когда сыновья его стали взрослыми, тоже был бедняк), семья состояла из шести человек. Дедушка Макар Иванович, бабушка Екатерина Дмитриевна, отец мой Алексей Макарыч, мамаша моя Александра Николаевна, дяди Иван Макарыч и Петр Макарыч. Вот в такой семье я и родился. Крестили меня в церкви Куркино, это в 2–5 километрах от деревни Дубовик. Погост Куркино стоит на Торопецком тракте: Ржев – Молодой Пуд – Торопец. (Крестил меня батюшка очень большого роста, лицо и руки в желваках. Очень сердитый и

неприветливый человек. Потом мне с ним пришлось встретиться в Трушковской приходской школе, видимо, она входила в его погост (очевидно, приход. – Авт.).

Деревня Дубовик обычная, небольшая, домов 20–25, расположенная на отшибе от дорог, захолустная, бедная, самобытная, как говорят, лесная русская деревенька. Деревня Дубовик со всех сторон окружена лесом. Лес столетний, дремучий, девственный, в нем даже медведи водились, да и на месте деревни не особенно давно был лес. С отменой крепостного права туда пришли люди и начали его выкорчевывать, расчистили полянку вдоль места, в свое время родникового, а теперь заболоченного, поселились наши предки, постепенно выкорчевывая лес и расширяя место под посевы хлебов (ржи, овса, редко ячменя и пшеницы) и льна. Однако возможно, что тот ручеек был приличной родниковой речкой, так как ширина заболоченной местности равна 30–40 метрам, но вот постепенно ее затянуло илом и сделало болотистым ручейком.

Местность, окружающая деревню Дубовик, очень красива, особенно в вечернее время, так как на северо-запад идет на подъем, как бы возвышается до самого горизонта километров на 10. Вечером видны огоньки в деревнях, и особенно красив горизонт огней самой дальней большой деревни, а это верст 8, а то и 10, если не больше. Днем кругом за полями виден только лес. Деревня Дубовик расположилась вдоль ручья на два порядка. Через ручей, на котором был невзрачный мостик (весной его всегда сносило, был выезд из деревни в поле и в лес в западном направлении). Весной этот ручеек, принимая талые воды, пыжится, пухнет и является временно на короткое время непроходимым.

Наш порядок, домов 10–12, расположился от ручья на удалении 50–60 метров и больше на отлогом пригорке, почти незаметном возвышении. Примерно метрах в 50 от ручья шла дорога. От дороги к ручью были небольшие огороды, огороженные тыном, там высаживали лук, репу, морковь, редко огурцы, немного капусты, кое у кого были построены амбары и рабочие сараи. По другой стороне этой дороги, метрах в 10–15, стояли избы. У моего дедушки Макара изба стояла ближе к самой дороге, это, конечно, плоховато, да и не намного лучше, когда изба удалена от дороги, но ...имеется поляночка, где можно посидеть семечки полужать и поболтать.

Другой берег ручья был круче и выше, наш порядок был как бы внизу. В том порядке также к ручью были огороды, амбары и сарайчики, потом шла дорога, улица там была широкая, и дальше стояли избы. За дворами были планы, размеры которых зависели от количества наделов в хозяйстве, от 30 соток до 50 и больше. На этих планах за домами-дворами также были огороды, сады, а главное, это 1–2 сарая для сена, эти сараи строили поближе к дому, чтобы ближе было носить сено для скотины зимой и солому для подстилки, чтобы получился навоз. В конце планов строили овины и риги для сушки хлебов и льна при обмолоте и других хозяйственных работ. Хлеб молотили на гумне и овине, лен мяли под крышей овина, риги. Все планы были обнесены загородами. Загороды были высотой до полутора метров. Ставили два кола рядом так, чтобы между ними поместилась жердь из тонкой осины, березы или ели длиной 5–7 метров, такие жерди укладывались на связки между колями на расстоянии 30 и больше сантиметров так, чтобы внизу не пролезла свинья или овца, а верхние жерди лежат реже. Все это делается для того, чтобы не заходила на план скотина. А вот огороды, где сеялись и сажались овощи, огораживались исключительно тыном в переплет (это тонкие ветки ольхи, березы, ровные и длинные еловые и другие деревья), так, чтобы курица не пролезла и даже не перелетела. Планы использовались для посадки картофеля, но сеяли и рожь, ячмень, пшеницу, часть места у сараев не пахали, оставляя его для сушки сена. Избы в обоих порядках стояли ближе к ручью. В центре деревни у ручья стояла деревенская баня, построенная по-черному, с предбанником (по-черному – это значит нет трубы), а выложен камень-голыш, так что внутри было сделано место для горения дров, они горят хорошо, и жар идет через камни в баню а дым через дверь на улицу.

Топили ее по очереди или, если свободна, кому нужно. Воду брали из ручья. Баня была небольшая, на 6–7 человек одновременно, но жаркая, и за вечер могла пропустить 20 и больше человек, в зависимости от желающих и количества заготовленной воды. Для горячей воды были бочки, вода нагревалась камнями тут же, в бане, холодная вода также здесь, в бане, в бочке, рядом с горячей.

За овинами начинаются поля знаменитой трехполки, изрезанные мысами и полосами и ляками. Даже поговорка была «за его усы давали три полосы и ляк под картошку». Ляк – это коротенькая полоска. Одно поле под озимой рожью, второе поле под яровыми и третье поле под пары, на это поле весной вывозят навоз, перепахивают его, используют под выгон, на него и через него скот выгоняют, и это поле как бы лето отдыхает, потом осенью на нем будет высеяна озимая рожь. Скотины было мало, машин, даже плуга, не было, плуг появился в 1907–1908 годах и железные

бороны, а то пахали сохой, бороновали деревянной бороной. Следует заметить, что в это время в нашей местности в основном озимой была только рожь (в настоящее время сеют и пшеницу, и ячмень). Яровыми были овес, картофель, ячмень и лен, очень мало и кто побогаче сеяли жито – ячмень и очень редко кто для себя пшеничку. Немного сеяли горох.

Основой ярового посева был лен, так как он давал наибольшую прибыль мужику, но в то же время лен требовал очень и очень много труда, поэтому много его сеяли те, кто имел много земли и кто богаче, на нем они же и хорошо зарабатывали, так как для обработки льна (мять, трепать, сушить и т. д.) пользовались наемным трудом. Из овощей в поле ничего, кроме картофеля, не садили, редко сеяли горох. В огородах сажали: лук, морковь, редьку, свеклу, репу – всего понемногу. Для заготовок на зиму покупали в городе Ржеве на рынке капусту прямо с зеленым листом и огурцы для соленья. С капусты рубили два листа. Весь зеленый лист и полужелтый шли для приготовления серой капусты, а белую рубили и солили ее с клюквой и яблоками, она шла для еды, а также в пироги, а серая только для щей с грибами и со сметками. Все это использовалось в особенно большом количестве. О помидорах и понятия не имели, их не сажали и не ели, а если кому приходилось попробовать, плевались до рвоты. А теперь помидоры едят все в драку, да и родят они в нашей местности хорошо и в поле и в огороде. Теперь сеют все кабачки, цветную капусту и т. д.

Деревня Дубовик вся построена из дерева, ни одного дома из кирпича нет. В основном четырехстенные избы, даже у бабушки Макара, когда я там жил, была одна старенькая избенка, а когда мы ушли (об этом ниже), пристроили вторую избу, и получился хороший дом с сенями внутри, между избами и клетью, хорошим крыльцом на улицу и большим мезонином. Скотный двор был во весь дом, теплый, с хлевами для свиней и овец, с отдельными выходами в торец дома. Таких домов было в деревне не больше 5–6, остальные обыкновенные русские четырехстенные избенки с боковым входом либо через сени, либо через скотный двор. Что из себя представляла русская изба? Размер избы, 5 на 5 или 5 на 7 м, зависел от семьи и достатка. Как войдешь в избу, слева (это про дедушкину избу) у порога большая Русская (так у автора. – *Авт.*) печь размером 3 на 2 метра, у печи полати шириной 80 см. Эти полати служили и для отдыха, и для входа в подпол, крышка поднималась, и для лаза на печку. По линии печи шла перегородка из досок, образуя так называемый чулан. Около печи вход в чулан, это фактически деревенская кухня, там все имущество хозяйки. В перегородке, ближе к стенке, делали шкаф для посуды грязной и другой – для чистой. Справа у порога стояла кровать с пологом, вначале там спали бабушка с бабушкой, а женился отец, – спали они, отец с матерью, а бабушка спал у печки, а братья на полу на соломенной подстилке, которую стелили на дерюгу, и дерюгой укрывались. Дерюга – это деревенское одеяло, сшитое из лоскутков, она же подстилка. В переднем правом углу стоял большой обеденный стол, а по стенам стояли широкие толстые лавки и скамейки, шириной 50–60 сантиметров и толщиной тоже 60 миллиметров, а к столу подставлялись скамейки и табуреты. А в углу божница с иконами и лампадками, одна-две. Вот так выглядела в основном внутренность избы. Стены избы оклеивались разными картинками, лубками и семейными фотографиями, и некоторые наклеивали даже бумажки от конфет.

Крыльца домов являлись украшением и парадным входом, как правило, использовались и для того, чтобы посидеть, попеть, на гармошке поиграть, поговорить, поиграть в фанты, особенно когда погода нехорошая. В хорошую погоду гуляли на полянке. На крыльцах и завалинке собирались в праздничные дни полукать семечки, поговорить о жизни и горькой доле женской, о родных, ушедших на заработки. Вообще, собирались в эти места после обедни в церкви, после обеда. Завалинка использовалась в деревне, как только начиналось тепло, снег стаявал, полянка подсыхала, и вот, еще в валенках и шубе, выходили пожилые посидеть, а молодые поплясать.

Земли, окружающие деревню Дубовик, были суглинистые, малоурожайные, требующие много удобрений – навоза или минеральных удобрений, но их почти не было, а если и были, то они использовались зажиточными хозяевами, кроме всего это нужно было хорошо обрабатывать землю, а обрабатывали сохой – ну что это за обработка. Только с 1900 года начали появляться деревянные плуги со стальным лемехом и железные бороны. По типу их делали деревянные – они дешевле, а стальные сохранялись для окуливания картофеля. Тем, кто имел скотину, имел навоз и неплохой урожай – сам 5–10 (100 пудов с десятины) или даже 15, но имеющих скотину было немного, больше малоземельных и безлошадных, такие хозяйства и навоза не имели, а поэтому и урожай был сам 3–4, т. е. 70 пудов с десятины.

Кроме всего, многое зависело от надела земли, у иного и земля есть, скотины нет и работать некому, сам и жена, и куча детей, один одного меньше, пока они подрастут, начнут понемногу

помогать, живет бедно, перебивается с хлеба на квас. Чаще всего у бедноты своего хлеба до нового не хватает из-за плохого урожая, поэтому бедноте за хлеб насущный приходилось лезть в кабалу к тем, кто получал хорошие урожаи. Бывало, идешь по озимому полю и видишь, какая разница в хлебе: на хорошо удобренной и обработанной рожь стоит стеной – высокая, густая, чистая, стебель толстый, колос длинный, рожь крупная, налитая и в колосе до 50 шт. и больше хороших зерен. Там же, где плохо удобрено и обработано и вспахано сохой, стоит матушка рожь низкая, редкая, грязная, тонкая, стебель тоненький, колос маленький, на 10–20 зернышков, зерно мелкое, тощее и, конечно, урожай будет тощ.

Раньше хороший урожай измерялся до 100 пудов с десятины, но это очень редко, а вот 30–40 чаще, а больше 20–30. Это значит, зерно посеял, получил 20. И вот, собрал бедняк урожай – надо долг отдать, на еду оставить, да и на посев. Поскольку сеяли осенью, то на посев хлеб почти всегда был, а все, что осталось, шло на прокормление себя и скотины. Поэтому и голодали до нового урожая, своего хлеба не хватало, вот и лезли в долг. Возникает вопрос, а как же жили, чем питались? Да, этот вопрос в то время беспокоил всю бедноту и батраков. Это была главная забота, как лучше дожить до лета. Летом легче, работы мало и подсобных продуктов больше. Ведь кроме хлеба можно купить что-то к хлебу, тем более, что его мало чем можно дополнить. Основой дополнения хлеба была картошка. В труднейшем положении находился бедняк. Если батрак работает, то он «богач», он сыт, его кормит хозяин.

А семья, конечно, живет впроголодь, а то и голодает, идет нищенствовать, подростки-девочки в няньки и т. п. А бедняк кормит сам себя, поэтому он чаще всего, как только убрался от летних работ, уходит бурлачить на добычу. Сам сыт, кое-какую копейку заработает, если не проплет, да и хлеб дома не ест. Огромную помощь в жизни деревни оказывали дары природы, дары леса. Лес давал мужику дрова для своего отопления и для продажи, бреду, за которую он получал деньги, так как она шла на дубление кож, но дерет ее в основном беднота. (Бреда – это такая кожа-кожура, которую дерут с дерева, сушат ее, продавать везут в Ржев. Бреда шла в кожевенную промышленность как дубящее средство.) Грибы всех видов и сортов, для сушки – белые, серые, черные, всякие разные – для соленья, но солили отдельно рыжики и грузди. Ягоды: земляника, черника, малина, брусника, клюква. Все это заготавливалось по возможности, чтобы хватило себе и немного можно было продать и получить деньги для уплаты податей, оброка, да и одеться и обуться надо. Питание бедноты было скудным, грубым. Щи с серой капустой (постные щи) со сметками (а те – забеленные молоком, если корова есть), а если есть поросенок, то в скоромные дни эти щи были и со свиной. Кроме скоромных дней в неделе было два дня постных – среда и пятница. В богатой семье... эти же щи были всегда или чаще с мясом, а в среду и пятницу и там щи были постные, второе тоже постное – картошка с постным маслом либо с квасом, бывало, и каша разная с постным маслом. Нередко здорово выручал картофель: наварят чугуна в мундире и завтракают – картофель с огурцами, белой капустой, солеными грибами, поэтому хлеба идет куда меньше (а все же и с картофелем ели хлеб). А хлеб черный был смолот так, что при просеивании почти ничего из отрубей не остается, все идет в пищу. И такого хлеба просили у матери со слезами, а она говорит: «Жди обеда, тогда и наешься». Собирали рябину, складывали ее на мезонине или чердаке. И она тоже шла в питание. Да что там хлеб, на всем сэкономили...

Ведь был порядок, что щи или суп горячими на стол не подавать – много хлеба уходит, некоторые хозяева, если хозяйка подает сильно горячими щи, подливали холодной воды, лишь бы хлеба меньше съели. Вот так. А ведь это правильно, с горячими щами хлеба идет больше, чем с теплыми. Все, что бедняк успеет заготовить за лето из даров леса, все является подспорьем в питании и экономии хлеба. Хлеб – основа основ. Вообще, дореволюционная деревня мало ела мяса, яиц, молока и всего того, что можно было продать. Все это шло в город на продажу, чтобы как-нибудь свести концы с концами, т. е. теми нуждами, которые существовали в хозяйстве. Ведь только подумать, в каждой неделе два дня ничего скоромного, т. е. мясного и молочного, не ели, даже детям не давали, а это 104 дня в году, плюс семь недель великого поста – это еще 49 дней, плюс Рождественский пост (сколько дней не помню), а ведь это все экономия скоромной пищи, потом все шло в город или поедалось до обжорства в Пасху и Рождество. Эти безобразия устанавливала Православная Церковь. Как правило, мужик жил на картошке, грибах и капусте.

Большую помощь в нашей местности оказывала березка. Хотя она и чужая, но ею пользовались все, покупали билет на сушняк бурелома, а возили березку, она была в почете на базаре в г. Ржеве. Все березовые дрова были спрятаны, сушняк березовый хоть и был в продаже открыто, но лежал отдельно. Его тоже берегли для продажи, а топили ольхой, осиною и елкой. Березовые дрова,

нарезанные длиной в один аршин и наколотые – хорошо ценились, поэтому их воровали. Их прятали в сарае под сеном, во дворе под соломой, а зимой на санях возили в город (тоже под сеном, чтобы не было видно) и за воз получали за 1–1,5 кубический метр до 10 рублей и больше. А это деньги. Возили и сено. Возили все, что только можно было продать и расплатиться за оброк и подати, чтобы не согнали со двора скотину или не описали вещи, имеющие кое-какую ценность. Трудно было, ох, как трудно. И жили, да еще и песни пели, хоть на какое-то время забывали горе и нужду. Песни, как правило, заунывные, слезливые, тяжелые, только в свадьбу и праздники пели веселые песни, этому помогали водка, пиво домашнее с хмелем. Но больше пели жалобные песни, молодежь же меньше знала горя и, конечно, была жизнерадостнее и веселее.

Все это – т. е. капуста, соленые огурцы, соленые грибы – елись с картофелем, он заменял хлеб, очень было плохо в семье, если она по каким-то причинам не заготовила грибов, капустки, огурчиков, тогда частым гостем за столом была тюрка, особенно в постные дни. Тюрка – это хлеб, вода, соль и, если есть, капля льняного масла. Вот нахлебаешься этой тюрки на ужин, а утром поешь картошки, сваренной в мундире, с хлебом в прихлебку с квасом. Редко был чай с сахаром, с коврижкой. Беднота в большинстве своем перебивалась с хлеба на квас. Да что говорить о других, когда я сам в детстве также пользовался этой тюркой, и какая же она была вкусная. Видел у других и пережил сам, когда мать или тетя Даша ходила в лавку к Сухуну и вместо селедки приносила бутылочку селедочного рассола, и мы его с таким аппетитом ели, макая в него хлебом, теперь это трудно представить, тогда это было роскошь, поели, запили водой или квасом и – спать до утра. Вот вам и ужин. Я вспоминаю разговор: вот, мол, как он живет, селедку покупает, селедку едят, и тому подобное – это уже богат.

Было счастьем, если попадешь за стол, будучи у товарищей, живущих побогаче. Поешь досыта щей с мясом и кашу с маслом постным или топленым, это уже праздник и дома рассказ, как я сегодня пообедал. Интересно вспомнить питание у дедушки Макара, верно, я еще был мал, но помню. Там все были взрослые и жили хорошо. Там все скромные дни были с мясом. Бабушка варила серые щи со свиной и картофельный суп также со свиной, ели щи, потом суп, после бабушка подавала так называемую яшницу – это толченый с яйцом и молоком картофель, запеченный в глиняной латке, и заедалось все молоком. Наливали молоко в большую глиняную чашку, и все из нее хлебали – таков обычай. Тарелок не было, вилок и ножей тоже, работали руки и ложки.

Дубовики в нашей местности особой культурой не отличались, и, если сравнивать мои деревни, то нужно сказать, что разговор был похож на городской, поговаривали, почти вся молодежь до солдатчины побывала в Питере, и поэтому говорили чисто и без шепелявенья. Например: чаво, тяленок, тялега, вярровка, – так говорили тепляки.

Избы особой чистотой тоже не отличались. Абсолютное большинство хозяев телят выдерживали в избе, и, конечно, запах в избе был неприятным. Ягнят так же держали в избе, даже поросят держали, а от них сплошная вонь. Все шло по старым обычаям. В некоторых деревнях не было даже бани. Где же мылись? А мылись в русской печке. Печь хорошо топили, хорошо помелом [очищали] от золы и углей, стелили солому, и вечером, начиная с дедушки, лазили в печь парились и выходили во двор, там обмывались с мылом и мочалкой. Я в такой печи парился с мамашей и бабушкой Анной, мне было 7–8 лет. Конечно, мылись редко, а посему имели насекомых, как в белье, так и голове, поэтому частенько на завалинке или на крыльце можно было увидеть, как женщины ищут в голове вшей друг у друга. Продавали для этого деревянные, очень частые гребешки для счесывания вшей из волос головы детей и взрослых. Везде, то есть во всех избах, были спутники-паразиты человека – блохи и клопы, а у некоторых – множество тараканов, и справиться с ними не было сил. Да, жили люди в бедности, при большой нужде, подчас не доедая, но духом русским мужик всегда крепок и силен, и это он показывал свою мощь в борьбе с врагами, посягавшими на его жизнь, хотя и безотрадную, но независимую.

Деревня Дубовик входила в Куркинский приход, в этот приход входило много деревень. При церкви была и сельско-приходская 3-классная школа. В Куркино было несколько домов и лавка. Куркино разместилось на том же ручье, что и Дубовик, и народ в церковь ходил по тропинке вдоль ручья. При церкви было и приходское кладбище. Хоронить носили туда за несколько километров. Куркинская церковь была небольшая, деревянная, стояла она на Горопецком тракте, в лесу, незаметная. По правилам Синода, каждый приход имел свои престольные праздники, и праздновали их только те деревни, которые входили в этот приход. Видимо, для церкви в этом был какой-то смысл. Пасха и Рождество Христово были общими праздниками, и их праздновали все и везде. В приходские праздники гуляли в приходе здорово 2–3 дня, молодые парни и девушки ходили с гармониями и песнями, подвыпившими для храбрости в другие деревни, приходили погулять и ближние

деревни из других приходов. Поскольку деревня Дубовик – небольшая деревушка, да к тому же на отшибе, как бы у самого леса, то в нее из других деревень приходили реже. Чаще дубовские ребята и девчата, одетые по-праздничному, во все лучшее, ходили с гармоникой в другие деревни и там гуляли до утра, выглядывая женихов и невест. Ну, из-за этого ребята сильно дрались. Зимой такие же гуляния совершались пешком и на дровнях-санях. Каков смысл этих культпоходов из деревни в деревню, из прихода в приход? Эти гульбища не прекращались, и этот обычай существовал века. Это хождения людей, обделенных судьбой. Ребята во время этих хождений непрерывно высматривали себе девушек в жены, девушки высматривали себе женихов и при соответствующих обстоятельствах давали согласие на приезд сватов. Дело в том, что в нашей местности деревушки маленькие, в некоторых деревнях нет девок на выданье, значит, ребята идут в другие деревни и подыскивают себе будущих жен, да к тому же как-то не было заведено жениться в своей деревне, если это и происходило, то очень и очень редко. Вот, например, мой родной дядя Петр ездил верст за 20 и там женился, он ее, видимо, и в глаза не видел, увидел тогда, когда приехал свататься, а свататься приехал по рекомендации каких-то родственников. Почему он женился? Да потому, что жена его, Надя, была здоровая, работающая девушка, да, видимо, и приданое дали хорошее, потому что она была уже в годах. А вот мой папаша тоже женился за 10 верст от дома, взял себе в жены батрачку, которая на всю округу славилась как хорошая, работающая девка. Отец, пьянчуга, в доме отца не жил, болтался где-то в бурлаках. Приехал в родительский дом, вот и решили его оженить, зная, что за такого парня приданое не дадут, а хорошая богатая девка не пойдет, а вот бедная в хороший дом пойдет с надеждой, а может, бог даст жениться, и когда женится, тогда пойдут дети, и он станет человеком. У мамы так не получилось, отец пил до и после, до конца дней своих пил – царство ему небесное. Вот так, таков обычай. И вот, могут гулять годами, а некоторые быстро подберут девушку и – поехали сватать, вот, сосватают в другом селе и гуляют то там, то там, так как в придачу обязательно надо навестить тестя и тещу.

Сватают обычно по знакомству, сватают по договоренности парня и девушки, а то и так – не ждали, не гадали, а сваты прискакали. Удивительно, как все происходило торжественно и красиво. На одних или на паре саней едут к девушке сваты, вместе с ними и жених, а иной раз и без жениха, вначале поговорить, бутылочку водочки распить, поговорят, что, мол, у вас есть товар – невеста, а у нас покупатель – жених, вот, мол, как вы на это смотрите, конечно, приезжают такие, которых хоть понаслышке, но знают. Если приехал и жених, то к сватам и жениху выходит невеста, и если они друг друга не видели, то увидят и глазами познакомятся, а иной раз жених, если невеста ему понравится, пригласит прокатиться на санях вдоль улицы с бубенцами. Если дело в принципе идет на согласие, жениху нравится невеста, невесте нравится жених, договариваются о встрече родителей и обручении. На такой встрече-обручении договариваются о приданом, что дают с невестой. Некоторые при сватовстве запрашивают, например, 100 рублей денег, одежду, постель и т. д., все оговорят и назначают день свадьбы. До свадьбы жених может наезжать к невесте, покатавать ее на санках, привезти ей конфеток, пряников, орешков и т. п. В основе этого обычая женитьбы все же лежала не любовь, а все стремились взять себе в жены богатую, с хорошим приданым, если, конечно, удастся, а главное, хорошую девушку, т. е. здоровую, пусть она даже будет некрасива, но работяга и покорная жена. В этом могут служить примером мои родители: мать бедная, не писаная красавица, но зато работяга за двоих мужиков, прекрасная песельница, всегда веселая, плясунья, отец на вид красивее матери, но ленив и пьянчуга. Он больше пил, чем работал. По-моему, отец до сватовства мать не видел в глаза. Да и родные отца были куда богаче родных матери. Но мать во всей округе знали как непревзойденную работницу, которая заткнет за пояс любого мужчину, и к тому же до фанатизма покорна и богомольна. Видимо, это и было основой для женитьбы отца. Но потом, видимо, полюбил, он ее жалел, уважал, но когда пьян, грубил, бил и гонялся с ножом – резать.

Родился я в семье, состоящей из шести взрослых трудолюбивых и трудоспособных человек. Дедушка Макар Иванович, бабушка Екатерина Дмитриевна, мой папаша Алексей Макарыч, мамаша Александра Николаевна, дяди Иван Макарыч и Петр Макарыч.

Дедушка – Макар Иванович Царьков, как мне помнится, был хорошим добрым человеком. Выше среднего роста, здоровый, коренастый мужчина, да и на вид был красив и статен, но лысый, а волосы, растущие по низу головы, носил сравнительно длинные, подстриженные под горшок, как раньше называли стрижку церковной, так как он одно время, видимо, был церковным старостой, а поэтому был богомольным, строго выполняющим все церковные обычаи и порядки, и этого требовал от всех членов семьи. Дедушка Макар Иванович был очень трудолюбивый, хозяйственный, расчетливый мужчина, крепкий крестьянин. Он был хорошо образован и, как мне

помнится, всегда по вечерам очень часто читал какие-то книги и частенько нараспев читал псалмы. В семье и быту был строг и требователен, мне было лет пять, но я очень хорошо помню, видимо, это детская впечатлительность осталась в памяти до сих пор, как дедушка за нарушения порядка за столом бил сыновей ложкой по лбу. Порядок есть порядок, и нарушать его никто не имел права. Например: когда садились обедать, никто не садился за стол, пока дедушка и вся семья не помолятся богу, тогда первым садился дедушка, и за ним и рядом с левой руки садили меня, затем садились все тихо, спокойно, не торопясь, рядом со мной папа и дядя Иван, на табуретке напротив дедушки садился дядя Петр, и на приставной скамейке садились ближе к дедушке – бабушка и рядом с ней моя мамаша, так как ей приходилось подавать на стол. Когда усядутся, начинают не спеша разбирать ложки, каждый берет свою, все ложки мечены, кроме дедушкиной, она была особая и клали ее перед ним. Чаще всего моя мамаша подносила к столу чугунок со щами. Миску со свиной ставили перед дедушкой, он доставал мясо, резал его на мелкие кусочки, растирал и после этого бабушка половником наливала щи в большую, как таз, деревянную чашу, ставили ее так, чтобы все могли достать. Дедушка, перекрестившись первым, опускал ложку за щами, за ним начинали все, ели чинно, тихо, не торопясь, не чавкая и не сопя, дедушка этого не любил. Мне наливали в отдельную глиняную чашку. Щи хлебали без мяса, мясо начинали доставать только после того как дедушка стукнет ложкой о край чашки и, опустив ложку, достанет мяса кусочек, спешить никто не спешил и помногу мяса не брали, а то получишь ложкой по лбу. Хлебали щи очень чинно, капли на стол не падали, так как ложку со щами подносили ко рту, имея в левой руке под ложкой кусок хлеба, и, если капнет, то на хлеб. На четвертое хлебали с хлебом молоко или простоквашу, все елось из общей чаши. Вот, каков был обычай того времени в деревне дедушки Макара. В течение дня ели три раза, не считая так называемой перехватки. Завтрак – это картофель в мундире, грибы, соленая капуста, огурцы и редька, нарезанная мелкими дольками, но сало было только в тяжелые рабочие дни, особенно летом, когда была вывозка навоза, сенокос и т. д. Утром же было молоко или простокваша, либо молоко с творогом, в общем, ели много. Ну, обед я описал. Ужин совмещался с чаепитием. В основе был чай, ели все крутое – сухое, картофель, опять же с капустой и огурцами, и после закуски пили чай, редко, очень даже редко к чаю бабушка давала всем по парочке баранок, а чаще пили один чай, даже без хлеба. Ставился самовар в сенях либо у печки в чулане, на стол ставили чашечки с блюдечками, поднос, когда поспеет самовар, заваривают чай. Самовар ставят мужчины на стол на поднос, чтобы угли, упавшие с самовара, не сожгли стол. Чайник заварной ставился на камфорку самовара, самовар кипит и шумит, и как-то получается торжественно, летом чай пили – было еще светло, а зимой – уже при лампе. Вот в том же порядке, помолясь богу, садятся за стол. Мамаша наливает всем в чашки чай, из самовара доликает кипятка и подает каждому свою чашку, посреди стола стоит сахарница, в ней наколот небольшими кусками сахар-рафинад, раньше его называли «головами», он очень крепок, нужны крепкие зубы, чтобы его кусать, для этого были щипцы, брали кусочек сахара, кололи его на мелкие кусочки и клали кусочек в рот, а дяди – они кусали, и отец тоже. Наливали чай в блюдце, и всегда везде все пили из блюдца, это, конечно, в деревне чай всегда очень горячий, и вот, блюдечко держат в двух или одной руке, дуют в блюдечко, и, держа кусочек сахара во рту, пьют чай.

Пили здорово и много, с полотенцем, особенно после бани, тогда чай пили с клюквой или брусничкой. Самовар у дедушки был на 1–1,5 ведра, если не больше, и все выпивали, а то и еще добавляли, т. е. вновь кипятили, ставили самовар, а сами сидели за столом, разговаривали и ждали готовности другого самовара. Если кто вздумает сахаром побаловаться, это, конечно, дядя Иван или Петя, то дедушка обязательно сделает замечание: «что ты грызешь, что лошадь овес» или «как мышь сухарь». Кто заканчивает пить чай, то чашку переворачивает вверх дном, это значит, что он напился, а если останется некусанный кусочек сахара – кладется поверх чашки, ну, а кто кусал, тот с последним блюдечком его съест, перекрестившись и поблагодарив за хлеб-соль или за чай с сахаром, вылезет из-за стола и опять перекрестится перед иконами. Всегда последним заканчивал пить чай дедушка, он его очень любил и много пил с полотенцем на шее, после чая ложился отдохнуть немного на лежаночки около печи. Женщины, чаще мать, моют посуду и убирают со стола. Чай пили, как правило, вечером, после ужина или бани. Зимой мужчины принимались по вечерам за работу, – чинят хомуты либо делают или чинят сбрую, уздечки, шлеи и другую конскую амуницию. Плетут лапти-берестянки – они для женщин очень хороши летом – их женщины носят на босу ногу – легко и ноги не поранят и не наколют.

Дедушка Макар Иванович был заметным в округе и в деревне мужиком и не только потому, что он был церковным старостой, а ...хорошим, грамотным человеком, умел хорошо, по-хозяйски,

рентабельно вести хозяйство, знал, что когда надо посеять и как обработать землю. Работал он сам, своей семьей, сынам лениться не давал. Он был спокойным, никогда без дела не кричал, степенным, никогда матерно не ругался, очень много работал по хозяйству, он с сынами все для дома делали сами. Например – бороны, плуги, сохи, даже полозья для дровней делали сами, телеги, кроме колес и ободьев, на колеса железо возили в кузницу, а ступки для колес покупали, или покупали все колесо. Когда строили новую избу, то нанимали только мастеров- строителей, а все остальное делали и помогали сами. А такие строения, как сарай для сена, овин, амбар, все это делали сами, крышу крыли дранкой из осины сами, доски пилили сами. Поэтому сыны его были в почете, видимо, кроме моего папаша, он здорово любил выпить, и, видимо, до женитьбы дома не жил – бродяжничал. На всю деревню Дубовик дедушка имел 5 штук ульев пчел, улья были из дупла деревьев. Меду собирали много, хорошо, на семью хватало, видимо, и впрок, на продажу. Частенько чай пили с медом, в мед макали хлеб и чаем запивали, но на столе стоял и сахар – кто с чем пил, тот с тем и пил.

Дедушка Макар был мягкий, сердобольный, жалостливый, добрый человек. Водку он выпивал, но очень мало, только в праздники, и то больше пил пиво домашнее, сваренное из солода на хмелю. Как мне помнится, он очень жалел и защищал мою мамашу, когда ее ругала бабушка. Любил он и меня, видимо, как первого внука, и когда он был дома, что бы ни делал, я возился около него, и он был доволен. Однажды осенью я его чуть не убил, а дело было так. Дедушка пошел в овин, чтобы подложить дровишек в подлазе в печь, что-то сушилось в овине для молотбы, пошел и я с ним. Пришли в овин, дедушка, оставив меня наверху, сам спустился в яму-подлаз, ну я, видимо, по-детски возился с дровами около ямы, он еще меня предупредил – смотри, близко не подходи, упадешь и убьешься. Я возился, возился с дровами и одну столкнул вниз, мне-то было интересно, а эта дровина торчком стукнула дедушку по плечу или по спине недалеко от головы, ну он на меня прикрикнул, вылез из подлаза и начал меня ругать: «Что же ты делаешь, сукин сын, чуть дедушку не убил!» И действительно, синяк был большой, но если бы это полено торчком ударило по голове, могло быть очень плохо, вплоть до смерти. Но поскольку все обошлось благополучно, то он часто потом вспоминал и рассказывал о случившемся, говоря: «Ах, баловень какой, чуть дедушку не убил!» Когда дедушка снимал мед, то он мне давал столько, сколько съем. Давал с сотами и приговаривал: «Соси, пожуй, а воск не выбрасывай, мы из него сделаем свечечку и поставим Николаю Чудотворцу. Он нам еще медку даст».

Дедушка очень рано начал меня учить молитве «Отче наш». И я ее скоро выучил и всегда перед сном и едой читал. Эта молитва в моей жизни здорово в свое время помогла. В 1921 г. – [в] голодный год. После советизации Грузии нам пришлось стоять на постое в Лорийской долине (Джалалогинский район Армении) в молоканском селе Воронцовка. Хлеба мы тогда получали 100 гр., а 50 гр. отчисляли голодающим, и вот, представьте себе, получили на 8 дней фунт хлеба и все – хоть ешь, хоть смотри, каково было жить, не евши. Молокане набожный до религиозного фанатизма народ, до до некоторой степени и добрый. И вот как-то раз хозяин, где мы стояли, говорит: «Ну что ж, советский, иди щец похлебать, все равно собакам выливать». Но мы были предупреждены комиссаром полка, а я был политруком эскадрона, что если будут пригласять за стол, прежде чем сесть, надо прочесть «Отче наш». Вот тут-то она мне и пригодилась. Когда я ее прочел, они ахнули – как же так, безбожник-большевик, а так хорошо знает молитву. За молитву давали щей и по кусочку хлеба, а это голодному высшее счастье. Верить – не верить, а богу молишься. Вот что значит голод.

Дедушка любил петь, но чаще церковные песнопения, а я ему подпевал. Иной раз пели по вечерам песни заунывные о тяжелой доле, жизни, особенно женщины. После ухода из дома дедушки Макара к бабушке Анне <...> мы бывали у него в гостях, гуляли на свадьбе дяди Петра, я ходил один зимой и летом, и всегда меня он угощал медом, морожеными яблоками и рябиной. Он был значительно добрее к нам с мамашей, чем бабушка. В 1910 или 1911 году я уехал в Питер, дедушка был жив и здоров, когда и отчего он помер, я не знаю. Вот, вроде, все, что помнится за свои 10 лет жизни в деревне вообще. Плохого о нем ничего я сказать не могу. Матерно не ругался, кроме «едасть его мухи».

Бабушка Екатерина Дмитриевна – мать моего отца. Женщина она была неграмотная, невысокого роста, большая труженица и хлопотунья по домашнему хозяйству. С виду она была симпатичная, я бы сказал красивая. Мой отец и дядя Петя были очень похожи на нее, т. е. на свою мать. Бабушка была очень заботливая, любящая мать. Она очень оберегала их от водки, особенно моего отца. Мой отец был старшим сыном и очень похож на мать, и она его очень жалела и часто говорила: «Ляксеюшка, брось ты это проклятое зелье, как оно вредно, ведь я сама мучаюсь этим

недугом, брось, перестань пить совсем, ведь Петя не пьет». Но уговоры не помогали, и отец пил. Бабушка очень много работала по домашнему хозяйству, и в поле от зари до зари она на ногах, не зная ни отдыха, ни покоя, особенно в летнее время. День я не описываю, т. к. всем ясно, какой адский труд женщины в деревне. Бабушка по натуре суровый человек, то ли от характера, то ли от жизни тяжелой. Но она была и весела, особенно на праздники она была очень гостеприимна, в праздники стол у нее был богатейшим, всего вдоволь, и она была счастлива и весела, она и пела и плясала, тем более, что гармонист свой, ее сын Иван. Нужно сказать, она была и чистоплотна, у нее всегда было прибрано, в избе чисто, пол чистый, даже деревенского специфического запаха не было. Но она страдала недугом запоя, особенно после праздника. И дедушка следил, и сама она держалась, не пила, ну а если уж выпила стаканчик и не усмотрели, выпьет еще, то будет пьяна, а после праздника иной раз спивалась до неузнаваемости. Дедушке с трудом, огромным трудом удавалось ее остановить от запоя. Верно, он ее и бил – не кулаком, а веревкой или ремнем, запирали в чулан, и я помню, как она со слезами просила рюмочку: «Макарушка, дорогой, золотко ты мое, дай рюмочку, горит все внутри». Дедушка ее, видимо, очень любил и жалел, наливал ей в стаканчик – давал. Она ему руки целует, стоя на коленях, просит прощения и просит выпустить ее, что она больше не будет. Но стоит уйти дедушке из дома на работу, она несет что-либо в шинок, берет бутылку и опять валяется пьяная, дедушка опять идет за ней, и стыдно, а что поделаешь, ведет домой и запирает – и тогда никакие мольбы ее не помогают, и он ее выпускает из чулана только для еды, а после еды опять в чулан, и так до месяца она живет в чулане. Но когда она образумится, придет в себя – золотой человек, видимо, поэтому она и была замкнутой, подчас невеселой, а вот всегда свое горе и зло она вымещала на моей мамаше. Редкий был день, чтобы бабушка не ругала мать, всякие унижительные слова, какие только можно сказать, сыпались на мать. Когда жил отец в деревне, он тоже пьяный куражился над матерью и бил ее, и гонялся с ножом, кричал – зарежу. Видимо, в этом была доля вины и бабушки, она ее часто называла побирешкой, голодранкой, все время подчеркивая ее бедность. От побоев и ругани защищали мать дедушка и дядя Иван. Спустя некоторое время, видимо, и отцу стало жаль свою жену, так как мамаша работала за троих. За это ее дедушка уважал и отцу об этом говорил. Но папаша мой был слабохарактерный (видимо, и я в него), уговорить свою мать не мог, а ведь когда отец женился, она не возражала и была рада такой помощнице, одновременно кляла при удобном случае.

Отец уехал опять в Питер, оставил нас с матерью у дедушки Макара. Без отца ругань еще больше усилилась, и мать вскоре, через год или два, не выдержала этой ругани и оскорблений – вынуждена была оставить дом и семью дедушки Макара и уйти к своим родителям в деревню Ажева.

Бабушка Екатерина жила долго и умерла, когда ей было как будто за девяносто лет. В 1924 году, когда я уезжал в отпуск, я ее видел, она была уже больной, но еще сравнительно бодрой старушкой, пристрастилась на старости лет к нюхательному табаку, и я ей покупал этот табак, и как она была благодарна. Жила она с дядей Петром и тетей Надей. Говорят, что дядя Петр не особенно хорошо относится к своей матери и, вроде, умерла бабушка за печкой, уже слепая, без присмотра, а ведь она ему детей нянчила – у дяди Петра было три девчонки.

Дядя Иван Макарович был очень похож на дедушку Макара и ростом, и обликом, и телосложением, и всем, но у него были и черты бабушки, он был так же красив. Как тогда говорили – за него любая девка пойдет замуж, тем более, что он хорошо играл на трехрядке. Он был веселым парнем, но, играя на гармошке, почему-то очень некрасиво кривил лицо, как будто он всех передразнивал, и за это, между прочим, ему в других деревнях от ребят частенько влетало, пока они его не знали, а когда узнавали, то уже не били, а то, я помню, часто приходил с побитой гармошкой и сам в синяках. Дядя Иван был работающим, старательным парнем, он больше всех помогал дедушке в работе. Верно, он хорошо и выпивал, но особенно пьяным не бывал и запоем не пил. Об этом я не знаю, но в Питере тоже пил. Он был добрым, сердобольным парнем и частенько спасал мать от побоев пьяного папаша или просто унимал его, не позволяя драться. Дядя Иван много внимания уделял и мне, особенно в зимние вечера, когда он чинил чуни. Сажал меня рядом с собой и рассказывал мне сказку про белого бычка. Эта сказка ни начала, ни конца не имеет, а мне, 3–5-летнему ребенку, это было очень интересно, и я хохотал, пока не надоест ему эта сказка. Он начинал другую сказку: «А пташки поют и свищут» – что это значит... Начинается она так: «Шел я лесом, а пташки поют и свищут, свищут и поют, иду, иду, а лес густой, темный и все дальше и дальше, а пташки поют и свищут, свищут и поют, иду дальше, становится все страшнее и страшнее, и так мне пить захотелось, а лес дремучий-дремучий, пташки поют и свищут и поют. Иду дальше, смотрю, виден просвет, подхожу, смотрю – поляна, я иду к ней. Вышел на поляну, смотрю, стоит изобка, а около изобки колодезь. Подхожу, смотрю, висит бадья, а в бадье лежит мочало, ну, значит,

начинай сначала – шел я лесом...» и т. д. Слушая его, когда он рассказывал эту сказку, я просиживал часами, замороженный его рассказом с выражением на лице всевозможных гримас. Здорово он рассказывал, до сих пор я не забыл, даже своим внукам рассказывал, и они сидели, мирно разинув рты, ожидая, что же получится в конце, а конца-то не было. Дядя Иван при мне женился, т. е. он вошел в дом в своей же деревне, это дом через пять от своего дома. Мы на его свадьбе гуляли. Женатым он прожил немного, умер он, я еще не был в Питере, в каком году – точно не помню. Тетя моя приняла к себе в дом другого, по-моему одинокого вдовца – он здорово выпивал. В 1958 году мы ездили в деревню на машине – я, Оля, Юля, Тамара и Виктор Дмитриевич – были у дяди Петра, там же встретили тетю, она уже пожилая, старенькая и горбатая – упала в подпол, повредив при этом позвоночник. Она жила у дяди Петра не в доме, а в сарае. Дядя Петр жил в избе на том месте, где я родился, может быть, даже та изба.

Дядя Петр Макарыч – это совершенно другой человек, он был не похож ни на кого в семье по своему характеру. Во-первых, очень хитрый человек, донельзя скупой, подчас очень вредный, он может за бесценок подвести человека и даже продать его, большой подлиза и подхалим. Подвести человека может без зазрения совести, что-то у них было в Питере, когда он в чем-то подвел отца, и тот был на него в обиде. Вел он себя в семье надменно, свысока, был ленив, с ребятами неуживчив и приятелей у него не было. Какой-то он своеобразный человек, его даже трудно охарактеризовать. В доме он ни во что не вникал, считая себя младшим, – пусть делают старшие. Дядя Петр женился, видимо, в 1907–1908 году. Свататься ездил верст за двадцать. Тетю Надю взял, видимо, не глядя, по знакомству. На свадьбе мы у них гуляли, я помню, как мамаша водила хоровод, пела и плясала, т. е. была заводилой. Отца, по-моему, на свадьбе не было. Тетя Надя, я ее не знаю, здоровая, коренастая, рослая женщина, и, конечно, она взяла всю работу дяди Петра, он о ней вспоминал хорошо. Похоронил ее во время войны и оккупации на хорошем участке под вишней за оврагом. У них было четыре дочери. Я их не знаю и не помню, все они сейчас живут с мужьями хорошо в г. Куйбышеве. С одной из дочерей живет и дядя Петр. И ему сейчас уже под 80 лет, если не больше.

В 1958–59 г., когда мы ездили туда, то он еще был бодр и даже ругался с тетей Пелагеей, что она не подпускает его к себе на печку, и за это он ее даже выгнал на лето в сарай. В это время он водил нас в лес по грибы, и мы за ним еле успевали, настолько он был шустр. И в то время он остался таким же расчетливым, скупым, жадным, с лукавинкой мужиком. Но труженик он хороший – работал в колхозе. Жили они хорошо. Но деталей его жизни я не знаю, так как в 1910 году уехал из деревни в Питер на заработки.

Папаша мой, Алексей Макарович, а впоследствии Макаров, до женитьбы в доме своего отца, видимо, жил и работал мало, больше скитался на заработках, болтался в Петербурге, почему я так говорю – болтался – потому что он до конца дней своих прожил без определенной профессии. Он был только чернорабочим, как раньше называли. Любимой его профессией была дворник-дровонос, казалось бы, это работа очень тяжелая, нужно было наколоть, уложить вязанку в подвале, а это не меньше 100 кг, и нести ее до седьмого этажа на горбу, и он эту работу уважал. Почему? Да только потому, что она давала ему возможность лишний раз получить от кухарок стаканчик водки и бутерброд с котлеткой или еще чем. Каким же образом все происходило? А очень просто происходило... Дело в том, что раньше в Питере было мало домов с паровым отоплением, а кухни все были на дровах, прачечные тоже на дровах. И вот, все дома заготавливали дрова и складывали их в подвалах. Ну, вот дрова-то разные и хорошие, т. е. сухие березовые, и плохие сырые – осина и гнилушки. Так вот, получение хороших дров и зависело от дворника-дровоноса. Не подмажешь – не поедешь, поэтому кухарке было выгоднее за счет господ угостить и покормить дворника, ведь все это господское, и чем мучиться с плохими дровами, получить сухие, хорошо наколотые, березовые, с берестой для растопки дровишки. Не нальешь стаканчик и не дашь закусить и стаканчик кофейку, получишь сырые, гнилые и какие угодно, только не хорошие дрова, вот и топи ими печку, проклянешь все на свете, а обед должен быть приготовлен господам во время, а то уволят. Вот поэтому между дворником-дровоносом и кухарками был тесный союз. Было хорошо кухарке и приятно дворнику. Он за день стаканчиков 5–6 отхватит, да и сыт по горло. Дома только ужинает, да и то на ужин чего принесет, и мы с матерью сыты. Или он работает швейцаром, это еще лучше, работа легкая, только открывай и закрывай дверь парадную, здесь много чаевых. Ведь все, кто приходит домой поздно, за то, что он открывает дверь, а парадная обязательно закрывается и швейцар вызывался звонком, так как он находился здесь же, под лестницей, обязательно давали на чай 10–15, а то и больше копеек. Но в хороший дом попасть швейцаром было очень и очень трудно, особенно такому, как мой папаша, любительно выпить. Кроме того, швейцары и дворники получали с каждой квартиры наградные-праздничные, это

Рождество и Пасха, от 3 до 5 рублей с квартиры дарили. Дополнительно к жалованию была оплата за услуги, как-то: прочистить тропинки, выбить ковры, высушить летом одежду и др. услуги, – все они оплачивались отдельно. Очень много перепало дворникам, да и швейцарам – это поношенные вещи господ, они им их дарили – мужские, дамские и детские вещи. Я помню, как мать увозила этого барахла целыми корзинами, и в деревне перешивала то для себя, для детей и родных. На заводах и фабриках он не работал, работал там, где есть приработок, особенно выпить. Вот, например, он работал в лаборатории им. Мечникова, на Конюшенной улице, артельщиком по развозке по заказам всевозможной простокваши, изготовленной в этой лаборатории. Она была в красивых фаянсовых горшочках – с крышечками и опечатанных. Она была всякая: шоколадная, малиновая, клубничная, простая и т. п. Развозил он в тележке, он впрягался в нее, как лошадь, верно, она была сделана на шариках, но все равно это тяжелый труд, но он возил и был весьма доволен, так как за день он от угощения выпивал до 20–25 соток и был сыт, кроме того, привозил еще 1–1,5 рубля чаевых, а может быть, и ворованных горшочков, и с кем-то делил проданное. Отец был малограмотным..., но, как мне помнится... хорошим человеком, и, если бы не пил, а работал нормально, то был бы прекрасным мастером...

<...> В 1914–1915 гг. отец был взят в солдаты, я убежал на фронт и он был в солдатах. Я вернулся с фронта в конце 1914 или в начале 1915, его еще не было <...>. В конце 1917 г. я еще работал на Путиловском заводе, он приезжал в Питер и хотел увезти меня в деревню на Рождество, но я с ним не поехал, а в апреле 1918 года вступил добровольцем в Красную армию, в 1-й пулеметный Социалистический полк пулеметчиком. Итак, отец уехал в деревню, а в начале 1919 г. умер. Я в это время служил в Каспийской волжской флотилии в г. Астрахани в отряде минных катеров. Там я и получил письмо от мамы. Она мне сообщила, что «папаша приказал долго жить». Читал я письмо и плакал, так мне жаль было отца. Впоследствии, году в 32–33-м, мне мать рассказывала, как он говорил обо мне: «Не плачь, Александра, раз он пошел на службу, он себе дорогу пробьет. Будет служить, чему-нибудь научится. Смотри, еще и генералом будет, мальчишка он смысленый и расторопный». Если эти слова действительно им так сказаны, то они... оправдались.

<...> Сколько всего лет жила мать в доме отца, я не знаю, но после моего рождения она прожила там всего до 1906 г. Был я еще малышом, но как запомнились мне слезы матери, когда я ее спрашивал, она мне иной раз говорила, что ее бабушка Катерина обижает. Впоследствии, когда я стал постарше, узнал, что ругала и попрекала ее всяческими словами бабушка Катерина только за то, что она из бедного дома. <...> Весной... мать связала узелок с вещами, взяла меня за руку, помолились мы богу на икону в избе, мамаша поблагодарила дедушку с бабушкой за хлеб-соль, рыдая, вышла из избы и через огороды пошли задами из деревни, чтобы люди не видели ее уход к своим родителям. Дедушка Макар просил мать потерпеть, не уходить, потому что он лишился прекрасного работника, да и к тому же дядя Петр еще не был женат. Деревня Ажево от Дубовика в 6–7 километрах, может, была, но уже Жуковской волости, Троицкого прихода. Троицкая церковь стояла на правом берегу реки Волги, на очень красивом месте, она далеко была видна за Волгой, километров на 15–20. <...>

Деревня Ажево маленькая, захолустная, в 17 дворов. Принадлежала она раньше двум помещикам. Наша сторона принадлежала барину Чалееву, а противоположная – барину Самарину. <...> Деревня Ажево была веселая деревенька, улица широкая, чистая (после дождя вода стекала в речку и грязь быстро просыхала) и всегда шумная. Днем детвора мотается по улице, играет в шляки, зимой на санях и всяких морозилках катаются от дома Малышева Афанасия до моста, потому что дорога шла под уклон и наморозки хорошо скользили. Под наморозки шли старые лукошки без дна, ящики, старые корыта, тазы и т. д. Делали наморозки так:

Брали старое корыто и на дне его набивали гвоздики, а на гвозди накладывали коровий навоз, смешанный с кострой ото льна или сена или мякиной, и замораживали, поливая его водой, пока не образуется ледовая корка в 3–5 см. И вот на них ребятишки катаются, катались и взрослые ребята. Летом по вечерам собирались около дома Латкиных под березой. Выходил с гармонью Ваня Мурат, он играл припевки и пляски. Зимой собирались у кого-либо дома на посиделки, где прями лен девушки и молодухи, туда же приходили и ребята из других деревень.

Деревня Ажево относилась к Жуковской волости. Церковь Св. Троицы была построена из красного кирпича, большая, стояла на крутом высоком берегу Волги. От деревни до церкви было 6–7 км. В церковь ходили по воскресеньям и праздникам. Выходили из деревни рано утром, чтобы успеть к заутрене. Все шли нарядными, одетыми по-праздничному. Взрослые летом шли босиком,

а обувь завязывали в платочек, и только на подходе к церкви, а то и у самой церкви надевали чулки и полусапожки или сапоги. И в церковь входили обутыми, чинно, степенно, не торопясь, крестились, клали низко поклоны, молились. При входе в церковь покупали свечи, одну-две просфорки. Свечи ставили каждый своему святому. Мамаша ставила свечу Николаю Угоднику и со слезами на коленях молилась и просила его помочь ей в ее тяготах, но просьбы оставались гласом вопиющего в пустыне... <...> Вообще, мамаша была жизнерадостным, веселым человеком. На людях она свое горе никогда не показывала и не жаловалась, а стремилась сама своим трудом вырваться из нужды и горя. Оставаясь одна, наедине пела грустные песни и иной раз плакала, жалуясь в песне на свою судьбу горемычную. Но если у нее на душе спокойно, главное, отец не пьет, она была очень веселая и жизнерадостная. Она была статная, в хороводе ходила Павой, могла хорошо и чисто одеться. Когда я вспоминаю свою мать, то мне она представляется удивительно своеобразным человеком. Начнет косить – мужчины за ней не успевают. Рожь жать – никто с ней не справляется, она всех обходит, так же и лен дергать. Лен трепать – она треплет чище и почти в 1,5–2 раза больше своих товарок, а ведь работают все в одинаковых условиях, а мать везде и всюду впереди. Даже яйца катать начнет, обязательно всех обкатает и накает 2–3 десятка разноцветных яичек, ну нет работы, кто бы с ней шел рядом и не отстал. Плясать пойдет – никто ее не перепляшет, ни парень, ни девка, песни петь – никто лучше не сплет. <...>

С приходом матери в дом родителей ведение хозяйства перешло к ней, она стала вести все хозяйство. Землю исполу не отдавала, а обрабатывала сама. Когда была лошадь, то матери было сравнительно легко справиться со всеми работами. В 1911 году, в год моего отъезда в Питер, у нас была серая коняка, верно, старая, но мы хорошо справлялись со всеми работами. Я первый и самый старший, и уже в семь лет пришлось трудиться, нянчить. Хотя самого, казалось бы, надо еще нянчить. Всего у матери было 8–9 детей, в живых осталось трое: я, сестра Нина и брат Иван. <...>

И что же я делал в 7 лет... Зимой начал ходить в школу, а значит, и готовить уроки дома. Особенно досаждал Закон Божий, его всегда надо было знать наизусть. Хорошо, что у меня мамаша знала все молитвы, так я с ней знал их наизусть. Я обязан был наносить дрова к печи. Помогал дергать сено в сарае и носил его во двор скотине, подмести избу и другие мелкие работы, соломы принести и постелить во дворе, ну, конечно, смотреть за малышами, а если есть грудной – то качать люльку, да еще лен подавать под мялку, когда его мнут и треплят, это работа по ночам. Летом с весны, как мало-мало подсохнет, возить навоз свой и на заработках, 10 коп. в день, быть возчиком. Ну это хоть интересная работа.

1907 год мне запомнился особенно, так как по приезде отец устроил меня в школу при шведской церкви, школа русская и была тут же, при доме. В этой школе я закончил 1 класс... В школе я учился хорошо. Но не помню, под какой фамилией, вроде, как был – Макаровым. В школе были очень строгие порядки, очень жестокие, я бы сказал бесчеловечные. Так, например, за малейший пустяк, детскую шалость ставили в угол, на колени, лишали обеда и даже били линейкой по руке сверху, ох, как было больно. Била учительница от одного до пяти раз. Драли за уши, волосы, давали и подзатыльник, особенно доставалось нашему брату простолюдину. На переменах по коридору бегать не разрешалось, ходили чинно или стояли и гримасничали по-детски. Конечно, и бегали, разве удержишь детскую энергию, но бегали не топя, на цыпочках, возились, но оглядывались, как бы не получить линейкой...

Общее образование (т. е. стал мало-мальски грамотным), я получил в сельской церковно-приходской школе. Школа находилась в деревне Трушково, это 2–3 км от нашей деревни. В школу мы ходили, как правило, компанией, т. к. зимой ходить по одному было опасно, потому что может застать снегопад, метель, да и заблудиться можно, т. к. занятия в школе заканчивались в сумерки, да и могли встретиться волки. Поэтому в ненастную погоду оставались ночевать в школе, спали на партах, на полу, но зато было весело... В школу я ходил в чунях, материнской старой фуфайке, какой-то чиновничьей фуражке или старой дедовской шапке... В Трушковскую сельскую церковно-приходскую школу мать меня привела, когда мне шел девятый год. В школу принимала комиссия во главе с батюшкой, священником Куркинском прихода, и когда спросили мать, чей я, она ответила: «Макара Дубовского внука». Вот так меня и записали – Макаров Федя. Так я стал Макаровым Федором Алексеевичем. По другой версии, моей фамилией считалась та, что при крещении. Крестили меня в Куркинском приходе, это около Дубовика. Когда принесли крест, батюшка спросил: «Чей?». Бабушка Екатерина Дмитриевна ответила: «Наш внук, Макара Ивановича», – так и записали «Макаров, раб божий, Федор». Учился я неплохо, любил читать книжки и часто брал их в школьной

библиотеке. Читать я стал очень рано, быстро научился читать, много читал вслух бабушке Анне и тете Даше...

Весной 1911 года я закончил 3 класс Трушковской сельской школы..., а дальше учиться не было средств. Как-то в начале лета, точно время не помню, мамаша повела меня в деревню Сухуша к какому-то человеку, приехавшему из Питера на побывку (в отпуск). По дороге сказала: «Сынок, папаша запил, надо его ехать выручать». Стала она слезно просить этого человека, чтобы он взял меня с собой в Питер и пристроил в том же заведении, где он работал, а работал он, как мне потом стало известно, буфетчиком в кухмистерской на Обводном канале у Балтийского вокзала. Мать горько плакала, упрасывая его помочь ей, горемычной, в пристроить меня к делу, да может, мне и удастся остановить отца, а как только мать управится с хлебом, выедет сама в Питер. Мужчина этот оказался человечным и согласился взять меня с собой в Питер и устроить кем-либо в трактире. Этот дядя привез меня в дом, где в два этажа размещалась кухмистерская, трактир и чайная. Эта чайная была больше извозничья, люмпен-пролетариев и шпаны – мелких рваных и грязных карманников... В кухмистерской был большой светлый зал, посередине стоял буфет, рядом с буфетом – большой орган, он здорово играл русские песни, пляски и цыганские романсы. В трактире тоже было чисто, буфет и орган были поменьше. В этих заведениях можно было и хорошо покушать, и выпить, а главное, выпить вдоволь по-русски чайку с вареньем... Вечером мне объяснили, где я буду работать, показали мое место. Местом работы был темный, грязный чулан-посудомойка на кухне. Так я стал посудомойкой... <...> В начале 1912 года начал работать в конторе аукционного общества «Антрацит». Матушка настояла, чтобы я ушел из кухмистерской, боясь, чтобы я не стал воришкой и подлецом. В конторе я разносил пакеты, после окончания работы помогал сотрудникам в уборке помещений, собирать бумаги, вынести на улицу и сжечь их, протереть подоконники, подмести... (здесь мы размещаем отрывочные выписки из дневника Ф. А. Макарова, для того чтобы проследить его жизненный путь до 1940 г. – даты, которой заканчиваются дневниковые записи. – *Авт.*). Итак, чтобы не опозориться окончательно, я с конторы ушел и поступил в булочную французскую. В булочную я поступил учеником булочника или пекаря. Вначале я работал дощетником, это работа с готовой продукцией до посадки в печь. Приготовленные и уложенные на доски соответствующих размеров булки я должен отнести на стеллажи, т. к. булки доходят там и ждут очередь посадки в печь. Подача свободных чистых досок, посыпанных мукой, к булочнику, а когда печь готова – подавать доски с булками пекарю, а он булки отправляет в печь, а доску отбрасывает в мою сторону, и не обратном пути я ее забираю и отношу на стеллажи. Работа собачья, бегаешь как угорелый с этими досками от булочника, т. е. мастеров и подмастерий, делающих булки, к стеллажу, от стеллажа к пекарю и обратно. Работа вгоняет в пот, хуже, чем стоять у печи... Когда хозяин принимал меня на работу в ученики, предупредил, кушать можете все, что делается в булочной, но не выносить. Как только будет замечено, кто ворует, увольняю с удержанием причитающего тебе жалования, а получал я всего 5–6 руб. в месяц. Действительно, в подвале мы кушали, что хотели и сколько хотели, сахарный песок клали в чашку столько, что чай горчил от сладости. Пекли разные кондитерские изделия для чая, особенно мне запомнились бриошки и баба, пропитанная соком фруктовым, а о пирожных и булках разговора не было, они не елись. Поэтому был сыт и жалованье оставалось нетронутым, я его отдавал матери.

Работа в булочной была не только тяжелой, но и интересной. Учеба в булочной могла дать мне хорошо оплачиваемую специальность хлебопека... Но вот осенью приехала мамаша в Питер и мне начала говорить, что она упростила мужа моей крестной взять меня в газетчики в Царское Село на вокзале, мол дело это выгодное, денежное. Верно, торговля газетами никакой специальности не давала, а в булочной я мог выйти в мастера, специалиста пекаря. Но я того особенно не понимал, тем более, мать говорит, что надо, и что там тебе будет легче и посвободнее, и будешь жить у крестной, все же свои люди...

Итак, я в Царском Селе в конце осени 1912 г., переехал я в дом крестной, по-моему, они имели собственный домик недалеко от станции. Муж ее был заведующим киоска на станции. Киоск этот был от издательства «Новое время»... У него в подчинении было 2–3 парнишки, разносчики газет по квартирам в городе и для торговли с рук на тележке один, и с сумками два таких же, как я. С коляски торговал книгами, журналами и газетами мужчина, в киоске торговал сам муж крестной. Рано утром я вместе с хозяином уходил из дома на вокзал, где получал газеты, сортировал их по адресам, и все, кроме колясочника, уходили на разнос по квартирам. По приходе с разноса мы с хозяином шли домой. Я уходил пораньше, и к его приходу я уже много сделаю по дому, меня покормит крестная, и я бегу на станцию, там надеваю сумку и торгую газетами и журналами на

вокзале, встречая и провожая поезда. Иной раз пробегу и по улицам привокзальным, чтобы больше продать. Газеты были «Копейка», «Новое время», «Речь», «Петербургский листок», журналы – «Новь», «Огонек». Как видите, работа однообразная, бесперспективная, никакой специальности на будущее не давала, но для моих лет она была интересная. Уж очень меня увлекала военщина и ее форма, уж больно мне нравилась форма войск, расположенных в Царском Селе: лейб-гвардии гусарский, Драгунский, Кирасирский и уланские полки, 4-й стрелковый полк, сводноказачий полк, состоящий из эскадронов – Донских, Кубанских, Терских, Уральских, Амурских и эскадрона из северо-кавказских народностей – джигитов. Все они были прекрасно одеты, особенно офицеры в парадной форме, там было столько лоска, несведущим просто трудно представить себе. Гусары в красном, ментик, кирасиры – в желтом на белом, кивера какие, палаши на колесиках – ну просто загляденье. 4-й стрелковый полк носил синие брюки прямые, напущенные на лакированные сапоги, шелковую малиновую косоворотку и круглые шарики – золотые пуговицы, подпоясаны шелковым поясом.

Царское село – красивый городок, чистый и богат насаждениями. Один Софийский бульвар чего стоит. Он тянулся от вокзала до дворцового парка, куда вход был свободен и где гуляла публика. Городок я знал хорошо, т. к. много разносил газет. В городке население военное, все офицеры войск Царского Села жили на квартирах. Частенько я наблюдал, как галопируют по Софийскому бульвару дочери царя, они были шефами этих полков и выезжали на конную прогулку по бульвару в форме своих подшефных на лошадях масти первого эскадрона породы «Венгерка» – красавцы-лошади. Когда они ехали со свитой, мы бегали смотреть с тротуаров. На бульваре была конная дорожка, по ней они и проезжали. По этой дорожке и офицерский состав разных чинов выезжал на прогулку. На вокзале был правительственный павильон, через него проезжали все дворцовые вельможи, вся царская семья... Не один раз приходилось наблюдать всю семью при поездке в Питер и обратно в Царское Село. Сын царя нас больше всего интересовал, т. к. его каждый раз одевали в разную воинскую форму, – то казак, то стрелок или еще какой-либо род войск. Но он был мальчишка хилый, прихрамывал немного и вида в форме не имел, все равно казался соплей можайской. Дочери, вот это да, эти все стройные и я бы сказал красивые, и вид у них был прекрасный, а если какая едет в форме своего полка, тогда не отличишь ее от мужчины, так они умели себя держать. Сын ездил чаще всего в казачьей форме и дядька его, какой-то солдат, тоже в казачьей форме, он так около него и вертится, выполняя все его капризы.

Один раз мне пришлось сопровождать фотографа от издательства, я ему помогал в фотографировании для открыток. Много снимков было и с моим позированием, но получить такие открытки мне не пришлось, т. к. началась война и я убежал на фронт... В июле 1914 года началась война России с Германией. Сколько было шума, крика в газетах. Все газеты продавались нарасхват. Журналы с картинками о войне продавались тут же, в день получения. В церквях служились молебны о русском воинстве и царском доме, проводились патриотические манифестации за Веру, Царя и Отечество. Было использовано все, чтобы оправдать войну. Главное, была печать – газеты, журналы, плакаты... а когда пошли бои, то пошли картинки боев, фото и рисунки. Появились фото героев мальчишек-добровольцев, показывали, как они раненым помогали уйти с оружием в тыл, в разведку ходили и т. д., появились первые снимки героя войны Кузьмы Крючкова. Через Царское Село пошли эшелоны с войсками, обозом, артиллерией. Все это, видимо, подогрело ребячье настроение и воображение, а тут крестная с вареньем начала ругать и стыдить, и я решил уехать на фронт. Вот пошли эшелоны 268 Пошехонской пехотной дивизии, она стояла в Финляндии. И в один прекрасный день, одевшись во второсрочное обмундирование газетчика, я с одним эшелоном стриганул на фронт. Прикинувшись сиротой, беденьким, мне удалось солдат упрощить, и они пустили меня в теплушку. В каком я был полку – не помню. Но свое походение от начала до конца я помню, и даже в деталях.

(Мы опускаем описание дальнейшей жизни Ф. А. Макарова до последних страниц его дневника. В 1924 г. он женился на Ольге Михайловне Буравченко. В сентябре этого же года получил телеграмму об откомандировании в ВПШ ККД г. Тифлиса. В 1925 г. 5 октября родилась дочь, в апреле 1927 г. – сын Юра. Описание его странствий и жизненного пути с 1914 по 1931 год мы попытаемся напечатать в следующих выпусках Крашенинниковских чтений. – *Авт.*)

О г. Ленинанкане, о службе в Закавказском артиллерийском полку у меня остались приятные воспоминания. Эта работа дала мне путевку в дальнейшую мою военную работу.

Должность политука 4-й батареи позволила мне с образованием сельской школы подготовиться для поступления в Академию. Хотя и трудно было, а доказательством тому, что

трудно было и мало знаний военных, т. к. политических знаний для поступления в Академию Фрунзе было недостаточно, а вот военных мало, общеобразовательных мало и слабовато, да еще этот язык немецкий. Поэтому в поездку на экзамен в 1930 г. я принят не был, завалил немецкий, а по остальным не выдержал конкурс, недотянул в оценках. Был оставлен кандидатом на 1931 г. на льготных условиях. Но это только так называлось. В 1931 г. также сдавал экзамен и был зачислен слушателем академии им. М. Фрунзе, конкурс выдержал, а конкурс был еще жестче, т. к. с годами увеличивалось [еще] больше количество желающих получить высшее образование. Мне в этом повезло. Тем более, что и политика стала меняться, это переход на единоначалие, наша роль хотя и не снижалась, но как-то не то, положение равноправного политрука перешло в подчиненное положение заместителя командира батальона по политчасти. Я этого не пережил. Я учился и по окончании Академии шел по линии командной или штабной, по линии единоначальника. В марте 1931 года я вместе с семьей убыл в г. Москву, слушателем Академии им. М. В. Фрунзе.

1. Воспоминания Ф. А. Макарова (рукопись).

С. В. Гаврилов
РАЗВИТИЕ МОРСКОГО ТРАНСПОРТНОГО ФЛОТА
КАМЧАТСКОЙ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
в 1961–1964 гг. (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТРЫБФЛОТА)

В течение рассматриваемого периода морской транспортный флот Камчатрыбпрома (КРП) входил в состав крупнейшего камчатского судовладельца – Управления тралового и рефрижераторного флота (УТРФ). В управлении по состоянию на 1 января 1960 г. работали 7 260 чел., из них на флоте – 4 874. Транспортный флот УТРФ включал тринадцать сухогрузных теплоходов, шесть транспортно-холодильных судов (ТХС), шесть сухогрузных пароходов, семь парусно-моторных ихун, две учебных баркентины, девять морских буксиров и шесть танкеров.

1961

21 февраля началась подготовка к перегону в Петропавловск из Невельска новой плавмастерской ПМ-1117.

1 апреля танкер «Иртыш», залитый пресной водой для промысловой экспедиции, в районе островов Прибылова столкнулся с льдиной, получив в форпике пробоину.

6 апреля КРП распорядился организовать на ТХС «Альгаир» экспериментальные работы по выпуску сельди специального баночного посола в пятикилограммовых жестяных банках. Петропавловский судоремонтно-механический завод (ПСРМЗ) разработал закаточные машины и приспособления, необходимые для производства банок и крышек к ним, а Петропавловская жестянобаночная фабрика начала их выпуск. На промысел вместо «Альгаира» вышло ТХС «Орион». Выпуск экспериментальной продукции начался в конце августа. Она пользовалась большим спросом и хорошо оплачивалась. Среднесуточный выпуск достигал 2 500 банок.

22 апреля в бухте Остовой к зимовавшему там рефрижератору «Комсомолец Арктики» для ввода его в эксплуатацию во льду толщиной свыше метра по каналу длиной более мили начал пробиваться морской буксир «Добрыня» (капитан А. Е. Миронов). В ходе напряженной 84-часовой работы буксир получил тяжелые повреждения рулевого устройства и требовал докового ремонта.

12 мая приказом по КРП списаны морской буксир «Кашалот», буксирный катер «Чапаевец» и шхуна «Устрица». «Кашалот» долгое время служил в качестве причала на рыбной базе Океанской.

13 мая объявлены победители Всесоюзного социалистического соревнования на флоте рыбной промышленности СССР за первый квартал 1961 г. Переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС и первая денежная премия досталась коллективу УТРФ. Премии по 200 руб. получили экипажи ТХС «Тилички», «Мизар», «Плутон», танкеров «Максим Горький», «Иртыш», «Вега», «Лира» и теплохода «Гомель».

24 мая КРП распорядился для укрепления судоремонтной базы маломерного флота передать Олюторскому рыбокомбинату прибывшую в Петропавловск плавмастерскую ПМ-1117.

29 июня на буксире «Ленинградец», стоявшем в Петропавловском морском торговом порту у борта лайнера «Советский Союз», возник пожар. Пока тушили огонь, он полностью вывел из строя всю электропроводку кочегарки. «При локализации пожара морской буксир «Аян» нанес

морскому буксиру «Ленинградец» значительное повреждение бортовой обшивки. Буксир выведен из эксплуатации для ремонта». Он проходил на плавмастерской «Фреза».

1 июля завершилось оборудование пункта снабжения судов водой в бухте Русской. Здесь установили раздаточную колонку на восемь шлангов и оборудовали теплое помещение для обогрева раздаточных устройств зимой.

21 июля КРП переименовал плавмастерскую «Фрезу» в судоремонтный завод. Новое название введено в обиход с 24 июля приказом по УТРФ.

24 августа в Петропавловск прибыло новое ТХС «Тигиль». 30 августа его приняли на баланс УТРФ, а 31 августа вышел приказ по управлению № 991 следующего содержания: «Принятое на баланс ТХС «Тигиль»... согласно приказу Главдальвостокрыбпрома № 253 от 29 июня 1961 г. должно именоваться «Мильково». Наименование «Тигиль» в процессе постройки этому судну присвоено ошибочно. На основании приказа № 253 по Главдальвостокрыбпрому и распоряжения Камчатрыбпрома от 28 августа с. г., приказываю: ТХС «Тигиль», имеющий строительный номер 913, впредь именовать «Мильково»».

21 сентября теплоход «Дежнев» (капитан В. Т. Финашин), выполнявший ответственное задание по вывозу труб из портпункта Воямполка в Петропавловск в период тяжелой навигации, после производства промеров вошел в реку Воямполку, пришвартовался к пирсу и силами экипажа принял груз. За инициативу, высокое чувство ответственности за выполнение порученного задания морякам «Дежнева» объявлена благодарность руководства КРП и выдана премия в 300 руб.

22 ноября Министерство морского флота СССР издало приказ № 228 «О передаче грузо-пассажирского теплохода «Корсаков» Камчатскому управлению рыбной промышленности». КРП распорядился принять теплоход от Камчатского государственного морского пароходства (КГМП) и поставить его на баланс с 1 января 1962 г.

24 декабря ночью группа судов в составе теплоходов «Гомель», «Витим», «Алдома» и траулера «Кишинев», освободившись от ледового плена в бухте Лаврова, последовала в Петропавловск. Трехсуточный прогноз погоды благоприятствовал переходу.

В 17.00 на «Витиме» вышел из строя главный двигатель. Ночью 25 декабря с «Гомеля» завели буксир, лопнувший из-за ветра спустя десять часов. Намерение старшего группы укрыться в Камчатском заливе приблизило аварийный «Витим» к берегу в районе мыса Африки. Его несло на юго-запад к берегу, избилующему рифами. На помощь вышел спасатель «Зевс».

Экипаж «Витима» во главе с капитаном А. Д. Маковецким, не дожидаясь подхода «Зевса», сразу же начал принимать меры по прекращению дрейфа. Как оказалось, они предупредили гибель судна. 25 декабря в 17.45 на глубине 113 м был отдан анкер, для чего использовали буксирный трос, одновременно вытравили стантовые якоря до двух с половиной смычек. В 19.15 на глубине 70 м отдали оба якоря, вытравив канаты до жвака-галсов. Дрейф прекратился, хотя ветер со снежными зарядками достигал силы десяти баллов.

В 20.00 подошел «Зевс». Его неоднократные попытки завести буксир успеха не имели. В полдень 26 декабря от жестокого волнения моря и порывов ветра на теплоходе лопнул трос анкера. «Витим» понесло к берегу. К полуночи глубина уменьшилась до 30 м, а до берега осталось всего 2,5 мили. Сложилось критическое положение. Капитан объявил экипажу, что не исключена возможность оставления судна. Это сообщение моряки приняли без паники, подготовившись к худшему.

27 декабря в 00.20 судно снесло к барам отдельной банки. Подошедшие две крупные волны обрушились на палубу. Они срезали шесть метров фальшборта, выбили два окна в рубке, сорвали контроллеры лебедок, поручни на баке, порвали брезенты трюма, смыли весь палубный груз и пожарные ящики. От сильного напора воды в трюмах появилась вода. В 00.30 судно задержалось за баром на глубине 20 м в трех кабельтовых от берега и пяти кабельтовых от рифов. Волнение моря заметно уменьшилось, а ветер ослаб до семи баллов. Экипаж приступил к ликвидации последствий удара стихии, и к полудню судно было приведено в порядок, а в 13.30 «Зевс» только на двенадцатом заходе сумел подать буксир. Сделать это было сложно из-за близости рифов и зацепов буксира за камни. Для предупреждения аварии спасателя и теплохода пришлось отдать якорные канаты.

После перестоя в Камчатском заливе «Витим» 30 декабря в 16.30 благополучно прибуксирован в Петропавловск. За проявленное мужество в борьбе со стихией всем морякам теплохода объявлена благодарность с занесением в личное дело и выплачена премия.

План грузоперевозок на 1961 г. определен в 180 000 т, его выполнение составило 192 058 т (106,7 %). Лучшие всех сработали лихтер «Повенец», выполнивший грузовое задание на 169,2 %, теплоходы «Тилички» и «Беринг», танкер «Лира».